

УДК 8

**ПОСТСОВЕТСКАЯ ДИСТОПИЧЕСКАЯ И ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА:
СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ**

Базаров А.Б.

Преподаватель кафедры русского языка,

Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади,

Ашгабад, Туркменистан

Акаев Г.

Студент,

Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади,

Ашгабад, Туркменистан

Акыева Х.

Студент,

Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади,

Ашгабад, Туркменистан

Аннотация

В статье рассматривается постсоветская дистопическая и фантастическая проза как специфическое поле художественного осмысления социальных и политических трансформаций, происходящих в России и других постсоветских странах после распада СССР. Анализируются устойчивые мотивы и сюжетные модели, связанные с репрезентацией посттоталитарного опыта, кризиса идентичности, политической травмы и неоимперских фантазий. Особое внимание уделяется взаимодействию «высокой» и жанровой литературы, а также функциям альтернативной истории и политической фантастики в формировании новых мифологем коллективного будущего и прошлого. Рассматриваются произведения В. Сорокина, Т. Толстой, В. Пелевина, С. Лукьяненко, а также ряд менее канонизированных авторов, представляющих массовую фантастическую продукцию 1990–2010-х годов. Показано, что постсоветская дистопия, активно привлекающая ресурсы фантастики, функционирует как лаборатория политического воображаемого, в которой конфигурируются конкурирующие модели национальной и цивилизационной идентичности, осмысляются формы власти и насилия, обсуждаются сценарии будущего.

Ключевые слова: постсоветская литература, русская проза, дистопия, фантастическая проза, научная фантастика, альтернативная история, политический миф, посттоталитарное сознание, травма перехода, неоимперский дискурс, культурная память.

POST-SOVIET DYSTOPIC AND SCI-FI PROSE: SOCIAL AND POLITICAL CONTEXTS

Bazarov A.B.

*Lecturer of Department of Russian language
Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages,
Ashgabat, Turkmenistan*

Akayev G.

*Student,
Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages,
Ashgabat, Turkmenistan*

Akyyeva H.

*Student,
Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages,
Ashgabat, Turkmenistan*

Abstract

This article examines post-Soviet dystopian and fantastic fiction as a specific field for artistic reflection on the social and political transformations occurring in Russia and other post-Soviet countries after the collapse of the USSR. It analyzes persistent motifs and plot models associated with the representation of post-totalitarian experience, identity crises, political trauma, and neo-imperial fantasies. Particular attention is paid to the interaction between "high" and genre literature, as well as the functions of alternative history and political fiction in the formation of new mythologies of the collective future and past. This article examines the works of V. Sorokin, T. Tolstaya, V. Pelevin, and S. Lukyanenko, as well as a number of less-canonized authors representing the mass-market science fiction of the 1990s–2010s. It demonstrates that post-Soviet dystopia, which actively draws on the resources of science fiction, functions as a laboratory for the political imaginary, where competing models of national and civilizational identity are configured, forms of power and violence are conceptualized, and scenarios for the future are discussed.

Keywords: post-Soviet literature, Russian prose, dystopia, science fiction, alternative history, political myth, post-totalitarian consciousness, trauma of transition, neo-imperial discourse, cultural memory.

Введение

Постсоветский период в истории русской литературы характеризуется не только сменой институциональных условий существования литературного поля, но и радикальной трансформацией жанрового ландшафта, в котором особое место занимает дистопическая и фантастическая проза. Распад СССР, утрата прежних идеологем и быстрое формирование новых политических мифов сделали фантастическое воображаемое одним из важнейших ресурсов для моделирования и обсуждения социальных изменений. В этих условиях дистопия и научная фантастика перестают быть периферийными по отношению к «большой» литературе и превращаются в центральный инструмент осмысления настоящего и проектирования будущего. [2; 3]

Постсоветская дистопия наследует как советскому утопическому проекту, так и диссидентской антиутопической традиции, но одновременно предлагает собственные способы конструирования времени, пространства и субъективности. В отличие от классических антиутопий XX века, сфокусированных на критике тоталитарного государства, многие постсоветские тексты переосмысливают саму идею исторического прогресса, выдвигая на первый план мотивы цикличности, «вечного возвращения» имперских или архаических форм власти, а также постапокалиптические сценарии деградации социального тела. Дистопическое воображаемое оказывается тесно связано с политическим дискурсом 1990–2010-х годов, с его противоречивыми представлениями о демократии, суверенитете, «особом пути» России и постсоветских государств. [1; 2]

Обзорный характер настоящей работы предполагает сочетание тематического и поэтикстского анализа. Цель статьи — проследить, каким образом постсоветская дистопическая и фантастическая проза артикулирует ключевые социально-политические конфликты эпохи, как она вступает в диалог с официальными и альтернативными идеологемами, какие стратегии работы с исторической памятью и политическим мифом оказываются в ней наиболее востребованными. [2]

1. Теоретические подходы к постсоветской дистопии и фантастике

Теоретическое осмысление постсоветской фантастической и дистопической прозы строится на пересечении нескольких исследовательских традиций — жанровой теории научной фантастики, исследований утопии/антиутопии, постколониальных и постимперских студий, а также теории культурной памяти. Концептуальной отправной точкой часто служит понимание Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМН ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

научной фантастики как «поля пересекающихся дискурсов», в котором взаимодействуют научный, политический, философский и эстетический регистры. Это позволяет рассматривать фантастику не как «эскапистский» жанр, а как форму социального мышления, способную моделировать альтернативные конфигурации реальности. [1]

В фокусе современных исследований оказывается тезис о том, что постсоветская дистопия не столько изображает «будущее», сколько используют фантастическое будущее для рефлексии над прошлым и настоящим. Обращение к категориям «будущего-прошедшего» и «ретрофутуризма» позволяет описать типичную для постсоветской литературы временную структуру, в которой утопическое будущее социализма оказывается ретроактивно переосмысленным как источник травмы, а постсоветская современность — как пространство затянувшегося «перехода», лишённого чётко артикулированного телоса. В дистопических текстах этот переход нередко радикализуется до образов окончательной катастрофы, гражданской войны, распада государственности. [4]

С другой стороны, постсоветская дистопия осмысляется как реакция на доминирующий в советской культуре утопический режим исторического времени. Если социалистический реализм предполагал обязательный оптимистический финал и «правильное» направление исторического движения, то постсоветская фантастическая проза демонстративно отказывается от линейности и оптимизма, предлагая множество сценариев поражения, регресса или циклического повторения насилия. При этом дистопическое воображаемое не исчерпывается критикой; оно оказывается пространством, где конкурируют различные проекты будущего — от либеральных и технократических до консервативных и неоимперских. [2]

Важно отметить и пересечение постсоветской фантастики с политологическими и культурологическими исследованиями национальной идентичности, памяти о войне, образа «Запада» и «Востока». Фантастический текст здесь выступает как медиум, в котором политические мифы конденсируются в форме ярких визуальных и нарративных образов — альтернативных географий, воображаемых войн, «параллельных» путей развития России и соседних стран. Тем самым постсоветская дистопическая проза становится ценной для междисциплинарного анализа политической культуры региона. [3]

2. Исторические предпосылки: от советской научной фантастики к постсоветской дистопии

Для понимания специфики постсоветской дистопической прозы необходимо учитывать её генеалогию, уходящую в советскую научную фантастику и антиутопические эксперименты позднесоветского времени.

Советская НФ, развивавшаяся от оптимистических утопий 1950–1960-х годов к более сложным, философски и социально нагруженным моделям 1970–1980-х, предоставила богатый набор сюжетных и образных решений, которые позднее были переосмыслены в постсоветском контексте. Уже в произведениях Стругацких, Платонова (ретроспективно включаемого в антиутопический канон), ряда других авторов заметна тенденция к проблематизации идеологического оптимизма, к демонстрации ценностных конфликтов внутри «идеального» общества. [2]

Однако полноценная дистопия, как жанр систематической критики существующего или потенциального политического устройства, в советской литературе была ограничена идеологической цензурой. Это обстоятельство, парадоксальным образом, усилило значение фантастики как «обходного пути» для обсуждения социальных проблем. Фантастический антураж позволял говорить о насилии, бюрократии, тотальном контроле, не называя их напрямую и маскируя критику под «научный» или «космический» сюжет. Тем не менее, до конца 1980-х годов подобные стратегии оставались маргинальными и требовали высокой степени аллюзивности. [2]

Перестройка и последующий распад СССР резко изменили ситуацию: исчезновение централизованной цензуры и радикальная политическая трансформация открыли возможность не только для прямой критики советского опыта, но и для свободного эксперимента с жанровыми и нарративными моделями. Вместе с тем, именно крах «большого утопического проекта» позднего социализма создал идеологический вакуум, который оказался плодотворной почвой для взрывного роста дистопического воображаемого. В 1990-е годы литература осваивает язык катастрофы, апокалипсиса, постапокалиптического выживания, а также разнообразные формы альтернативной истории, в которых проигрываются сценарии «другого» исхода советского проекта.

Таким образом, постсоветская дистопическая проза возникает на пересечении нескольких траекторий: наследования советской НФ, травматического переживания распада государства и интенсивной политизации культурного пространства. Именно это пересечение определяет её тематическое богатство и амбивалентность, сочетание ностальгии по утопическому прошлому с радикальным скепсисом в отношении любых универсалистских проектов.

3. Социальные и политические контексты 1990–2010-х годов

Социально-политический контекст постсоветской эпохи задаёт ключевые проблемные поля для дистопической и фантастической прозы. Литература реагирует на несколько взаимосвязанных процессов: экономическую шоковую терапию и массовую бедность 1990-х, криминализацию политической и

социальной жизни, чеченские войны, формирование олигархического капитализма, а затем — усиление авторитарных тенденций, неоимперского дискурса и консервативной идеологии в 2000–2010-е годы. [1]

В дистопических текстах эта проблематика проявляется, прежде всего, в образах разрушенного социального государства, радикальной сегрегации общества на закрытые элиты и маргинализованные массы, тотальной коммерциализации всех сфер жизни. Фантастические миры постсоветских романов часто населены корпорациями, криминальными группировками, мутировавшими бюрократическими структурами власти, действующими в условиях отсутствия устойчивых правовых рамок. Так, мотив «дикого капитализма», усилившийся в публицистике 1990-х, получает в фантастике гиперболизированную форму жестоких корпоративных войн, частных армий, тотального контроля над информацией. [2]

Одновременно с этим развиваются темы, связанные с неоимперским воображаемым и геополитическими конфликтами. В фантастической прозе 2000–2010-х годов широко представлены сюжеты, эксплуатирующие идею столкновения цивилизаций, оппозицию «Запада» и «Русского мира», конспирологические схемы мирового заговора. Такие тексты не только отражают, но и активно участвуют в формировании массовых представлений о внешней политике, национальной миссии и историческом предназначении страны. Дистопический облик будущего у многих авторов оказывается связан либо с окончательной победой «чуждых» сил (Запада, глобального капитала), либо, наоборот, с радикализацией внутренней репрессивной системы, которая под предлогом защиты «традиционных ценностей» устанавливает тоталитарный контроль. [2]

Наконец, значимой политической темой оказывается отношение к советскому прошлому и к памяти о войне. Дистопические и альтернативно-исторические сюжеты часто разыгрывают сценарии «возвращения» СССР или другой формы империи, а также варианты изменения исхода Второй мировой войны или послевоенной истории. Эти игры с историей могут носить как иронический, так и откровенно реваншистский характер, но в любом случае они свидетельствуют о том, что фантастическое воображаемое стало одним из ключевых пространств борьбы за интерпретацию прошлого и за право говорить от имени «исторической России».

4. Жанровые и поэтические особенности постсоветской дистопической прозы

Жанровая структура постсоветской дистопической и фантастической прозы отличается высокой степенью гибридности. Тексты свободно соединяют элементы классической научной фантастики, фэнтези, политического триллера, Дневник науки | www.dnevnikaui.ru | СМН ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

сатирической антиутопии, альтернативной истории, постапокалиптической прозы и магического реализма. Подобная синкретичность отражает как кризис устойчивых жанровых иерархий, так и стремление авторов охватить сложность переживаемой реальности через множественные, зачастую конфликтующие регистры. [1]

Одна из важнейших поэтических черт постсоветской дистопии — усиленная рефлексия над языком и дискурсом как инструментом власти. Многие тексты демонстрируют деформацию публичного языка, его клишированность, пропагандистскую перегруженность или, напротив, распад и фрагментацию. Художественная форма здесь становится способом разоблачения манипулятивных стратегий политического дискурса: «новояз» постсоветской бюрократии и медиасреды переосмысливается в ключе орвелловской традиции, но с учётом новых технологий и форм коммуникации. [2]

Поэтика пространства в постсоветской дистопии также заслуживает внимания. Часто это замкнутые города-государства, анклавов, зоны, окружённые враждебной или непознаваемой территорией; мотив «зоны» и «границы» наследует как сталкерской традиции, так и более широким постколониальным сюжетам. Пространство оказывается структурировано по линии включения/исключения, центра/периферии, «своего»/«чужого», а географические карты будущего или альтернативного мира прозрачно соотносятся с реальными политическими разделами постсоветского пространства.

Наконец, значимой поэтической особенностью является работа с телесностью и насилием. Постсоветская дистопия часто демонстрирует разрушение человеческого тела — через болезни, войны, биотехнологические эксперименты, наркотики. Тело превращается в поле политического контроля и экономической эксплуатации, а также в место, где проявляются последствия катастрофической истории. Эта телесная деструкция сопровождается деформацией субъективности: персонажи страдают от травмы, амнезии, раздвоения идентичности, утраты способности к историческому и этическому суждению.

5. Высокая литература и массовая фантастика: модели взаимодействия

Одной из характерных черт постсоветской ситуации является размывание границ между «высокой» и массовой литературой, особенно заметное в области фантастики и дистопии. С одной стороны, авторы, ранее ассоциировавшиеся с «большой» литературой, активно используют фантастические и дистопические стратегии для осмысления политических и социальных процессов. С другой — массовая фантастика, ориентированная на широкий читательский рынок, нередко поднимает темы, связанные с национальной идентичностью, Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

геополитикой, травмой распада СССР, пусть и в более прямолинейной и стереотипной форме. [3]

Эта взаимная перетечка обусловлена тем, что фантастическое воображаемое становится одним из ключевых каналов обсуждения политических проблем вне официальных институтов. Массовая фантастика предлагает читателю эмоционально насыщенные, часто манихейские картины борьбы добра и зла, встроенные в узнаваемые схемы «своё/чужое», «империя/хаос», «традиция/упадок». Высокая литература, напротив, стремится к усложнению этих оппозиций, к их ироническому, пародийному или травматическому переосмыслению, однако она не может игнорировать те мифологемы, которые циркулируют в массовом культурном пространстве. [2]

В результате складывается сложная система интертекстуальных и интердискурсивных отношений. Массовые тексты иногда перерабатывают мотивы и образы, разработанные в элитарной литературе, трансформируя их в более доступные, нарративно «прозрачные» формы. В свою очередь, авторы «высокой» прозы могут иронически цитировать или деконструировать клише массовой фантастики, выявляя их идеологическую нагруженность. Таким образом, граница между двумя полюсами литературного поля оказывается не жесткой линией, а зоной постоянных обменов, в которой формируются новые жанровые гибриды и стратегии политического высказывания.

6. Постсоветская дистопия как политика памяти и альтернативной истории

Особое место в постсоветской дистопической и фантастической прозе занимает работа с исторической памятью и альтернативной историей. Литература активно осваивает сюжетные модели, предполагающие изменение ключевых пунктов советской и мировой истории: иной исход Второй мировой войны, сохранение или альтернативное реформирование СССР, победу тех или иных политических сил в переломные моменты XX века. Эти «ветвящиеся» сценарии позволяют авторам артикулировать скрытые страхи и желания, связанные с оценкой советского проекта и постсоветского развития. [1; 2]

Альтернативная история в постсоветском контексте выступает не только как жанровая игра, но и как полемическое вмешательство в публичную борьбу за прошлое. Различные политические силы стремятся закрепить те или иные нарративы о советском периоде, войне, перестройке; литература предлагает свои варианты, нередко радикально расходящиеся с официальной линией или, напротив, её усиливающие. Дистопический характер многих альтернативно-исторических миров подчеркивает, что любое «исправление» истории несёт в себе риск повторения насилия, а не избавления от него. [2]

Постсоветская дистопия активно работает и с коллективной памятью о травмах XX века — репрессиях, войне, голоде, лагерном опыте. В Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

фантастических текстах эти события часто появляются в форме искаженных, фрагментарных, полузабытых сюжетов, которые преследуют героев как кошмары или проявляются в виде странных артефактов и аномалий. Таким образом, дистопическое будущее или альтернативное настоящее оказываются насыщены призраками прошлого, что позволяет говорить о специфической «хронотопике травмы», где временные слои не упорядочены, а наслаиваются друг на друга.

Наконец, важно отметить, что политика памяти в постсоветской фантастике тесно связана с вопросами национальной и имперской идентичности. Альтернативно-исторические и дистопические тексты постоянно возвращаются к проблеме границ — как территориальных, так и символических. В них обсуждаются сценарии восстановления имперского пространства, утраты или обретения суверенитета отдельными республиками, конфликты между различными этнокультурными общностями. Фантастическое воображаемое становится здесь инструментом моделирования и критики разнообразных вариантов «политики памяти», предлагаемых государством и конкурирующими политическими акторами.

Заключение

Постсоветская дистопическая и фантастическая проза представляет собой сложное и неоднородное поле, в котором пересекаются различные жанровые традиции, политические дискурсы и стратегии работы с исторической памятью. В отличие от классической антиутопии, ориентированной на критику определённого типа государства или идеологии, постсоветские тексты фиксируют более широкий кризис исторического воображения, обострение чувства неопределённости и множественность конкурирующих проектов будущего. Фантастика и дистопия превращаются в своего рода лабораторию, где конструируются и испытываются новые модели социального устройства, формы власти, сценарии взаимодействия России и других постсоветских государств с миром.

Социально-политические контексты 1990–2010-х годов — экономический шок, войны, криминализация политики, усиление авторитаризма и неоимперского дискурса — находят в дистопической прозе как прямое, так и метафорическое отражение. Литература не только регистрирует травматический опыт перехода, но и активно участвует в его интерпретации, вырабатывая устойчивые мифологемы, образы и сюжетные схемы. Особое значение имеют работы с альтернативной историей и политикой памяти, позволяющие по-новому поставить вопросы о наследии советского проекта, о границах и формах постсоветской государственности, о коллективной ответственности за прошлое.

Наконец, взаимодействие высокой и массовой литературы в сфере фантастики и дистопии демонстрирует, насколько важным стал этот сегмент для формирования политического воображаемого. Массовые тексты распространяют простые и эмоционально насыщенные модели мира, тогда как элитарная проза пытается их усложнить, подвергнуть критике или деконструировать. Для исследователя постсоветской культуры обращение к дистопической и фантастической прозе оказывается необходимым условием понимания того, как в обществе осмысляются власть, насилие, история и будущее, — и какие литературные формы оказываются наиболее адекватными для этой сложной работы.

Библиографический список

1. Аблаева А. Крымскотатарская тема в романе Людмилы Улицкой «Зелёный шатёр» // Bulletin of Toraighyrov University. Philology Series. 2025. P. 36–48. DOI: 10.48081/GNNZ6897.
2. Иванова И. Н. Тема Великой Отечественной войны в современной отечественной прозе: мистика и фантастика // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». 2024. № 2 (337). С. 23–30. DOI: 10.53598/2410-3489-2024-2-337-23-30.
3. Новикова О. Женская проза: прошлое, настоящее и будущее // Slavica. 2021. Vol. 50. DOI: 10.31034/050.2021.20.